

ТРАДИЦИЯ, «ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА»
И ПРОБЛЕМА ВАРЬИРОВАНИЯ

Статья Э. С. Маркаряна весьма интересна и актуальна. Разработка основных проблем теории традиции имеет фундаментальное значение для целого ряда общественных наук, в том числе и (или даже — особенно) для этнографии. Очень важно, что к этому кругу проблем Э. С. Маркарян подходит как философ и специалист по теории культуры. Этнография, как и фольклористика, на мой взгляд, может плодотворно развивать некоторые разделы своей специализированной теории при условии ее включения в современную общую теорию культуры. Идеи, высказанные Э. С. Маркаряном, создают основу, предпосылки для обсуждения многих существенных проблем. Коротко коснусь только некоторых из них.

1. Достоинство определения культуры, предложенного Э. С. Маркаряном в его известной книге «Очерки теории культуры»¹, в том, что этот социальный феномен рассматривается им максимально обобщенно, в предельной теоретической абстракции. Если так же подойти к понятию «традиция», то надо было бы сказать, что термины «культура» и «традиция» в определенном теоретическом контексте синонимичны или, может быть, точнее — почти синонимичны. Термин «культура» обозначает сам феномен, а «традиция» — механизм ее формирования, трансмиссии и функционирования. Проще говоря, традиция — это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся. Произнося слово «культура», мы подразумеваем не одноразовые явления, побочные или случайные для истории, а то, что имеет значение для человечества или какой-то социальной общности (любого масштаба — от нации до племени или локальной группы), опыт, накапливающийся в виде традиции, т. е. системы определенных стереотипов человеческой деятельности (активности), результатов этой деятельности или представлений о них.

2. Так же как культура в целом, традиция — это коллективная память (т. е. не биологическая, а социальная). Однако понятие «память» не охватывает традицию как социальное явление целиком, так как при этом как бы устраняется момент воспроизведения, а выдвигается на первый план сохранение, удержание. Между тем без воспроизведения нет традиции. Собственно то же самое можно было бы сказать о памяти, если иметь в виду не один коммуникативный акт, т. е. удержание в памяти и передачу, а коммуникативную цепочку, т. е. длительную память. Кроме того, слово «память» вносит оттенок пассивности, а «традиция» предполагает активность, длительность (континуитет), многократность передачи и воспроизведения, хотя отдельные акты воспроизведения при этом могут быть отделены друг от друга (т. е. могут быть дискретны, например, обряды, фольклорные тексты).

3. Так же как не может существовать общество без культуры (т. е. без адаптивно-адаптирующего механизма, по определению Э. С. Маркаряна), в такой же мере нельзя представить себе общество без традиции. Разные типы общества отличаются друг от друга не тем, что одни из них (архаические) «традиционные», другие (современные) «не традиционные», а набором и характером (содержанием) традиций, темпами их обновления, каналами их распространения, механизмом трансмиссии, способами фиксации стабильного и варьирующего, стагнации и лабильности.

¹ Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

Надо окончательно расстаться с представлением о том, что «традиция» — это обязательно нечто консервативное, косное, подлежащее преодолению. Это обыденное, бытовое, а не научное представление. В каждом состоянии культуры и в каждой традиции есть разновременные по своему происхождению элементы и далеко не всегда самые старые из них обладают наименьшей актуальностью. Колесо было изобретено достаточно давно, огонь был введен в культуру тоже много тысячелетий тому назад, но они достаточно хорошо служат человеку и представление об их архаичности пока встречается, главным образом, в научно-фантастических романах или футурологических исследованиях. Другое дело, что традиции исторически обновляются, иногда даже в какой-то сфере (например, политической, социальной) ломаются (взламываются), но то новое, что в результате этого процесса создается, всегда согласовано с традициями в других сферах человеческого бытия или какой-то социальной общности, оно всегда тоже гетерогенно по своей природе.

В основе каждой традиции лежит опыт того социального коллектива, который ею располагает и ее поддерживает, вне зависимости от того накоплен ли этот опыт в течение тысячелетий или нескольких лет, выработывался ли он путем проб и ошибок, наощупь и наугад или при помощи логических умозаключений, математических выкладок, современных научных экспериментов. Стереотипы фиксируют этот опыт, стабилизируют его в коллективной памяти. Это могут быть поведенческие стереотипы, архаического или современного типов, мифологические представления, социальные нормы или вещи, в которых воплощены определенные представления или нормы, научные дефиниции или формулировки законов, математические формулы, фразеологические словосочетания, правила воспроизведения речи, фольклорные тексты и т. д.

4. Разные типы общества различаются не тем, что живут за счет традиций или новаций, а их соотношением, способами введения нового в традицию. Новация может иметь значение в истории культуры только, если она войдет в традицию, в ее контекст, в ее состав и структуру. Иначе говоря (не ради игры слов!) новация может существовать только как инновация, т. е. когда она уже втянута в традицию, адаптирована ею, функционирует в ее составе. Поэтому следует признать, что упрощенное противопоставление традиции и новации теоретически не обосновано, оно связано с непониманием механизма традиции.

5. Любой стереотип, являющийся составным элементом определенной культуры, чтобы стать таковым, должен обладать свойством не менее важным, чем стабильность — пластичностью, своеобразным полем (диапазоном) вариативности. Стереотипы актуализируются (или, проще, применяются) в типовых ситуациях. Однако еще древние греки знали, что никакая ситуация не может повториться абсолютно точно во всей своей конкретности («дважды не войдешь в один поток»). Поэтому проблема стереотипа в любой сфере культуры, это, помимо всего прочего, также и проблема его многократной повторной применимости, способности к модификациям, к вариативности. Варьировать может и модель стереотипа и его конкретное воплощение в вещи, в акте поведения, в речевой реализации и т. д.

6. Локальные варианты традиции создаются, как за счет параллельных процессов, протекающих по сходным закономерностям, так и за счет сближения разных по происхождению форм (аффинитет) и вариативности синонимического характера (т. е. замены каких-то элементов стереотипа сходными, способными выполнять те же функции). Эта проблема особенно важна для фольклористики и этнографии, так как варьирование локальных традиций происходит в рамках определенной локальной или этнической общности, шире — в рамках определенной историко-этнографической области.

7. Этническая общность возникает под влиянием социально-экономических, политических и иных факторов². Но однажды возникнув, она вынуждена использовать единый язык — общую вербальную систему коммуникации, которая может варьировать (и обычно, варьирует) в диалектах. В такой же мере она должна выработать единый (и тоже варьирующий) в пространственных, временных и социальных координатах) «язык» культуры. Он так же условен, как естественный (вербальный) язык — это не только поведенческие стереотипы или вещи, но и обслуживающая их знаковая система, т. е. система определенных взаимосвязанных значений, обозначений, символов и т. д., которые обеспечивают коммуникативность культуры, традицию. Поэтому семиотика культуры — один из важнейших разделов теории культуры и теории традиции.

Б. М. Бернштейн

ТРАДИЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТРУКТУРЫ

Высоко оценивая идеи Э. С. Маркаряна относительно роли традиции в культуре, развитые в целом ряде работ и сформулированные (с существенными добавлениями) в обсуждаемой статье, рискну предложить несколько соображений, которые родились в ходе размышлений над художественной традицией, но могут иметь и более широкое значение.

С точки зрения системного подхода аналогия между ролью традиций в культуре и генетических программ в биологической сфере вполне обоснована. Однако ни традиции, ни генетические программы нельзя рассматривать только как устройства для сохранения и передачи проверенных приспособительных реакций, благодаря которым система сохраняет себя в среде. Системный подход велит теоретически различать две ориентации механизмов наследования. Одна экстравертна, т. е. направлена на окружающую среду, а точнее, на взаимодействие своей системы с метасистемой. Другая интровертна, т. е. направлена на собственное устройство самой данной системы. Чем сложнее система, тем большее место в ее жизнедеятельности занимают самоорганизация, саморегуляция, координация действий составляющих ее подсистем, согласование внутренних процессов и т. п., и сохранение опыта этого рода обеспечивает системе целостность и идентичность. «Интровертная» ориентация присуща социальному наследованию в такой же, если не в большей, степени, нежели наследованию биологическому. Следовательно, есть смысл посмотреть на традицию с точки зрения ее внутренней функции. Такой взгляд открывает в ней некоторые специфические свойства.

Если попробовать представить работу традиции на атомарном уровне, то она может быть изображена как повторяющаяся трансляция одинаковых текстов. Но передача текстов имеет смысл, если в принимающей системе, будь то особь, группа, коллектив, в результате наблюдается прирост информации. В случае стереотипных сообщений, как кажется, прироста информации произойти не может; информативная ценность повторных сообщений должна быть равна нулю, а сама деятельность по их передаче выглядит бессмысленной.

В действительности стереотипные сообщения, хотя и не могут нести информацию, часто обладают информационной ценностью, существенно отличной от нуля. В отличие от оригинальных сообщений, их стереотипных собратьев менее двух быть не может. Следовательно, между их поступлением проходит *время*, которое не бывает «пустой длительно-

² См. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973.